

УСИЛЕНИЕ ТЕРРОРА. ЦАРЬ И МИТРОПОЛИТ

Стоит ли удивляться, что с осени 1567 года снова все чаще стали лететь головы заподозренных в измене. Казни следовали одна за другой. В записках иностранцев, одном из главных наших источников о репрессиях опричных лет, сведений об этих казнях сохранилось не так много. Для авторов, писавших свои сочинения после 1570 года, казни этого времени были отодвинуты на задний план страшным разгромом Новгорода. Лишь кропотливое изучение так называемого «Синодика опальных» — списка казненных, составленного в самом конце правления Ивана IV (об обстоятельствах, приведших к составлению такого списка речь пойдет в одной из заключительных глав книги), позволило установить круг лиц, подвергшихся казням после возвращения царя в Слободу.

Среди казненных были несколько бояр и окольничих, дети боярские — члены земского «государева двора», а также целый ряд дьяков и даже купцы. Количество жертв исчислялось сотнями. Как показано в исследованиях С. Б. Веселовского и Р. Г. Скрынникова, при составлении списка казненных часто делались выписки из хранившихся в архиве следственных дел, отчего в нем появились записи, странно звучащие в тексте, предназначенном для церковного поминания. В одной из таких записей читаем: «отделано 369 человек, отделано и всего отделано июля по 6 число». По месту записи в списке Р. Г. Скрынников определил, что речь должна идти о 6 июня 1568 года.

По сведениям, которыми располагал Шлихтинг, Владимир Андреевич назвал царю имена тридцати человек — участников заговора. Количество жертв во много раз превысило эту цифру. Конечно, изменников нередко казнили вместе с семьями; кроме того, в процессе расследования арестованные могли оговаривать родственников и знакомых. Однако следует иметь в виду, что в подавляющем большинстве случаев мы не знаем, за что казнены были люди, имена которых встречаются в перечне Синодика, сообщениях иностранцев и сочинении Курбского. Как видно из отдельных записей Синодика, которым соответствуют сообщения Курбского, казнь тех или иных людей далеко не всегда была результатом следствия, хотя бы и проведенного в опричном застенке. Неоднократно отряды опричников посылались из Москвы в те или иные города, где опричные «братья» предавали смерти заподозренных в измене. Так, даже в далекий южный город Данков летом 1568 года был послан Федор Басманов с отрядом опричников, чтобы умертвить воевод, князя Владимира Курлятева и Григория Сидорова, стоявших там с войском против татар. Лишь о смерти немногих особо выдающихся людей сохранились отдельные подробные сообщения. Так, в «Послании» Таубе и Крузе и в «Кратком сказании» Шлихтинга сохранились рассказы о гибели одного из царских казначеев, Хозяина Тютина, грека по происхождению. Он был схвачен царским зятем Михаилом Темрюковичем вместе с семьей (женой, двумя сыновьями пяти-шести лет и двумя дочерьми), затем они все были приведены на «площадь» (вероятно, современную Красную площадь перед Кремлем) и здесь казнены по приказу царя. Тела, разрубленные на куски, были брошены на площади «для зрелища», чтобы своим видом устрашать тех, кто хотел бы встать на путь «измены».

Такое же жестокое наказание постигло и дьяка Казарина Дубровского, который был убит опричниками в своем доме вместе с двумя сыновьями и слугами. Как сообщает Шлихтинг, «обозники и подводчики» обвинили дьяка в том, что за взятки тот освобождал владения бояр и детей боярских от доставки подвод. Осенью 1567 года потребовалось большое количество подвод для перевозки артиллерии, участвовавшей в подготовленном царем Ливонском походе. Между тем при сборе войск у Ршанского яма выяснилось, что «с нарядом (артиллерией. — Б.Ф.) идут за государем неспешно, а посoshные многие люди к наряду не успели». Расследование показало, что в таком положении дел виновен дьяк. Этот пример показывает, что человек мог быть наказан смертной казнью не только за измену, но и за любую серьезную провинность.

Штаден и Шлихтинг называют главой заговорщиков боярина Ивана Петровича Федорова. Он погиб 11 сентября 1568 года. По рассказу Шлихтинга, царь призвал его во дворец (Таубе и Крузе говорят о «большой палате»), заставил облечься в царские одежды и сесть на

трон. Затем, преклонив перед ним колени, царь сказал: «Ты имеешь то, чего искал, к чему стремился, чтобы быть великим князем Московским и занять мое место: вот ты ныне великий князь, радуйся теперь и наслаждайся владычеством, которого жаждал». Затем царь сам заколол его ножом. Труп боярина «протащили за ноги по всему Кремлю к городу, и он брошен был на середине площади, являя жалкое зрелище для всех». Штаден видел тело Федорова, лежащее в наземной яме у реки Неглинной.

Эпизод с убийством Федорова является не только еще одним свидетельством той склонности царя к злой насмешке, которая столь ясно прослеживается во многих его литературных произведениях. Он говорит и о том, какие все более зловещие замыслы царь готов был приписывать изменникам. Иван Петрович Федоров, принадлежавший к одному из старых боярских родов, не бывший ни потомком Рюрика, ни потомком Гедимины, никак не мог рассчитывать занять царский трон в случае смерти царя Ивана. В предшествующие годы подобная мысль вряд ли могла прийти царю в голову, но в обстановке постоянной борьбы с «изменой» самые невероятные предположения в сознании царя приобретали реальность и порождали чудовищную жестокость.

Убийство Ивана Петровича так запомнилось современникам-иностранцам не только потому, что это было публичное убийство одного из первых лиц в государстве, совершенное самим царем. На них произвело сильное впечатление и то, что произошло после его смерти. Иван Петрович Федоров был одним из самых богатых людей своего времени. Он являлся потомком боярина Акинфа Великого, служившего владимирским великим князьям еще в начале XIV века, и последним представителем старшей ветви рода, возводившей свое происхождение к Ивану Андреевичу Хрому, боярину Дмитрия Донского (к младшим ветвям того же рода принадлежали служившие в опричнине Бутурлины и Чеботовы). Унаследованное им родовое достояние, и без того немалое, увеличилось благодаря удачному браку Федорова с Марией Васильевной Челядниной, племянницей Аграфены, мамы царя Ивана. Супруга принесла ему в приданое значительную часть родового достояния другой ветви того же рода — Челядних. Владения боярина, как и владения других бояр, служивших московским князьям, были расположены в самых разных уездах Русского государства от Коломны до Белоозера.

Как рассказывает Шлихтинг, после убийства Ивана Петровича царь, «сев на коня, почти год объезжал с толпой убийц его поместья, деревни и крепости, производя всюду истребление, опустошение и убийства». Часть захваченных при этом боярских слуг царь приказал «запереть в клетку или маленький домик и, насыпав туда серы и пороку, зажечь». Их жены были отданы на развлечение опричникам. Находившийся на боярских дворах крупный и мелкий скот уничто-

жался. Сами эти дворы сжигались вместе с находившимися на них запасами хлеба. Штаден, писавший о том же более кратко, отметил, что были сожжены даже церкви «со всем, что в них было, иконами, церковными украшениями».

Сообщения Штадена и Шлихтинга о посылке карательных отрядов во владения Ивана Петровича находят подтверждения в тексте «Синодика опальных». Так, из него мы узнаем, что в коломенских селах Федорова опричный ловчий царя Григорий Ловчиков «отделал Ивановых людей 20 человек». В другом его владении — Губине Углу — «Малюта Скуратов отделал 30 и 9 человек». Очевидно, с участия в этих казнях и началось возвышение Малюты, который еще во время похода в Ливонию осенью 1567 года занимал совсем незначительное место в опричном окружении царя. О самых зловещих подробностях рассказа Шлихтинга заставляет вспомнить и такая запись: «В Бежицком Верху отделано Ивановых людей 65 человек да двенадцать человек скончавшихся ручным усеченьем». Если лишь небольшая часть находившихся в бежецких селах боярских слуг была зарублена опричниками, то как же погибли остальные? Поневоле приходится вспомнить о людях, запертых в доме и сожженных затем по приказу царя.

Такие карательные экспедиции, сопровождавшиеся массовыми убийствами (судя по записям «Синодика», в вотчинах Федорова было убито более двух сотен боярских слуг) и уничтожением имущества, стали качественно новым явлением в жизни русского общества в годы опричнины. Они свидетельствовали о том, что в борьбе с «изменной» царь приходил к необходимости применения все более жестоких мер, чтобы устрасить своих подданных и заставить отказаться от враждебных замыслов против него.

На этом мрачном и зловещем фоне протекал спор между царем и противостоявшим ему главой русской церкви, митрополитом Филиппом.

Когда казни стали все более частыми и жестокими, против них поднял свой голос митрополит Филипп. Сам факт столкновения между царем и митрополитом не может вызывать никаких сомнений. Он засвидетельствован источниками самого разного происхождения. Однако и в этом случае нам известно гораздо меньше, чем хотелось бы знать. Главным источником, содержащим наиболее подробные сведения о событиях, является Житие митрополита Филиппа, созданное в кругу почитавших своего бывшего настоятеля соловецких монахов, однако даже наиболее ранняя редакция этого памятника возникла много лет спустя после интересующих нас событий, в конце XVI века, когда после смерти Грозного новый царь Федор разрешил перенести останки митрополита в Соловецкий монастырь. Монахи, которых не было в Москве, когда происходили столкновения митрополита и царя, писали по устным рассказам очевидцев, не

очень ясно представляя себе хронологию событий. По слухам писал о столкновении царя и митрополита в далекой Литве и Курбский. Подробный и очень интересный рассказ сохранился в «Послании» Таубе и Крузе, находившихся в то время в окружении царя, однако следует учитывать, что эти ливонские дворяне, возвышенные царем и принятые в опричнину как иноверцы не могли присутствовать на православном богослужении или на собраниях с участием православного духовенства и поэтому не могут считаться очевидцами некоторых очень важных эпизодов.

Как мы видели выше, Филипп Колычев, скрепя сердце, согласился занять митрополичий стол, не требуя упразднения опричнины. Вероятно, он надеялся своим участием способствовать устранению или ослаблению наиболее отрицательных сторон нового порядка, однако с течением времени стала все более ясно обнаруживаться тщетность таких надежд.

Первоначально митрополит пытался увещевать царя «тайно и наедине», но это не дало никаких результатов. Для главы церкви, видевшего свой христианский долг в искоренении беззакония, оставался один путь — публичное осуждение действий монарха. Для совершения такого важного шага митрополит нуждался в содействии других епископов. Именно епископы совсем недавно в 1566 году побудили Филиппа занять митрополичий стол и отстояли его кандидатуру перед лицом царя. И теперь первоначально святители проявили готовность оказать поддержку своему главе. Как сказано в Житии, они «укрепившеся вси межи себя, еже против такового начинания (опричнины. — Б.Ф.) стояти крепце». Согласие это, однако, сохранялось недолго. Когда один из епископов «царю общий совет их изнесе» и об этом стало известно, то многие «своего начинания отпадоша». Не захотели поддерживать митрополита архиепископ Пимен Новгородский, епископы Пафнутий Суздальский и Филофей Рязанский, а духовник царя, благовещенский протопоп Евстафий, и вовсе «непрестанно явне и тайно нося речи неподобные», настраивал царя против митрополита. В итоге попытка митрополита объединить высшее духовенство для борьбы против казней закончилась полной неудачей: «страха ради и глаголати не смеяху и никто не смеяше противу что реши, что царя о том умолити и кто его возмущает тем бы запретити». Митрополит решился вступить в борьбу в одиночку. Судя по сообщению Жития, такое решение было ускорено тем, что к митрополиту пришли «неции благоразумнии истиннии правителие и искусние мужие и от первых вельмож и весь народ», прося «с великим рыданием» о заступничестве, «смерть пред очима имуще и глаголати не могуше».

Новгородский летописец записал: «Лета 7076 (то есть в 1568 году. — Б.Ф.) марта в 22 учал митрополит Филипп с государем на Москве враждовати о опришнине».

Столкновение произошло во время богослужения в Успенском соборе. Митрополит отказался благословить царя и обратился к нему с речью, увещающей и обвиняющей одновременно. Обычно речи главных героев в житиях святых не внушают доверия, их чаще всего следует рассматривать как продукт литературного творчества. Но с речью Филиппа дело обстоит иначе. Изложение речи митрополита имеется также в «Послании» Таубе и Крузе, написанном вскоре после событий. Сопоставление текстов показало многочисленные совпадения между ними, хотя послание ливонских дворян, конечно, не могло быть известно соловецким монахам. Очевидно, о речи митрополита рассказал им кто-то из очевидцев, и монахи правильно передали ее общий смысл.

«Мы, — говорил митрополит, обращаясь к царю, — приносим жертву Господеви чисту и безкровну, за тебя, государя, Бога молим, а за олтарем неповинна кровь лиется христианьская и напрасно умирают». Если ты благочестив, обращался к царю Филипп, то почему «не праведная дела твориши». Главная обязанность правителя — праведный суд, а посему, снова обращался митрополит к царю, «суд сотвори праведен и истин, а оклеветающая сыщи и обличи». Митрополит, видимо, еще надеялся, что его увещания смогут остановить царя и обратить его на правильный путь: «О царю свете, сиречь православия вседержавный наш государь, умилися, разори, государь, многолетное свое к миру негодование, призри милостивно, помилуй нас, своих безответных овец». Но в речи митрополита, как она передана в Житии, звучат и более суровые интонации. Митрополит требовал устранить пагубное «разделение» страны («твоя бо есть едина держава»), угрожал царю гневом Божиим: «Аще, государь, не велиши престати от сея крови и обиды, възышет сего Господь от руки твоее».

Однако сила воздействия этих слов умахалась тем, что они не встречали отклика среди духовенства, собравшегося в соборе. «Царю угождающе», митрополита поспешили осудить епископы («какo царя утверждающе самому же неистовая творяща»). Даже низшее лицо на лестнице церковной иерархии, «анагност (чтец. — Б.Ф.) церкви соборные... начат износить на блаженнаго скверныя словеса». Таким образом, выступление митрополита не прозвучало, как он хотел, голосом всей церкви, но лишь выражением мужества одинокой, следующей своим убеждениям личности.

«Что тебе, чернцу, до наших царьских советов дело?» — так ответил царь на слова митрополита, согласно рассказу Жития. Гораздо более зловещий характер имела реакция царя, судя по рассказу Таубе и Крузе: «Я был слишком мягок к тебе, митрополит, к твоим сообщникам и моей стране, но теперь вы у меня взвоете».

Гнев царя упал на приближенных митрополита. По сообщению Таубе и Крузе, «советники и приближенные митрополита были си-

лой выведены, а затем их, водя по всем улицам, мучили и хлестали железными хлыстами». Имена погибших старцев и слуг митрополита перечисляются в «Синодике опальных»: «старца Левонтия Русинов, Никиту Опухтин, Федора Рясин, Семена Мануйлов». По сообщению новгородского летописца, после происшедшего столкновения митрополит «вышел из митрополича двора и жил в монастыре у Николы у Старого» в Китай-городе. Однако при этом митрополичьего сана он с себя не сложил. Тем самым митрополит открыто выражал протест против политики царя, показывая, что не в состоянии выполнять свои обязанности по управлению церковью под властью такого правителя.

Иногда в научной литературе спор царя и митрополита характеризуется как спор между государством и церковью из-за власти, вызванный попытками светской власти подчинить себе церковь. Ничто, однако, не подтверждает такого толкования. К тому времени, когда вспыхнул этот конфликт, царь не предпринял никаких действий, которые хоть как-то затрагивали права церкви или ее имущество. Напротив, ряд почитаемых обителей именно в годы опричнины получил такие щедрые жалованные грамоты, которых они не имели в годы реформ 50-х годов XVI века. В выступлении митрополита о правах церкви и не говорилось. Дело было в другом. Обличая царя, митрополит не только следовал своим христианским убеждениям, но и выполнял важную функцию гаранта традиционного общественного порядка, которая в представлениях русского общества была тесно связана с особой верховного пастыря. Можно было бы говорить и о попытке осуществления митрополитом его традиционного права «печаловаться» за опальных, но с существенной оговоркой: традиционно глава церкви ходатайствовал о прощении провинившимся их проступков, а митрополит Филипп добивался справедливости для невинных.

Отец царя, великий князь Василий, а затем боярские правители времени его малолетства неоднократно сгоняли с кафедры неугодных митрополитов, но для царя, постоянно и старательно подчеркивавшего свою верность православному учению не только в главном, но и в каждой детали, такой путь был неприемлем. Выход нашелся: в Соловецкий монастырь направились особая комиссия, чтобы добыть свидетельства о недостойной жизни Филиппа Колычева и тем самым получить формальные основания для лишения его митрополичьего сана. В летописце Соловецкого монастыря под 1568 годом отмечено: «На весну в монастырь в Соловки приехал суздальский владыка Павнудей да архимандрит Феодосий да князь Василей Темкин да с ним 10 сынов боярских дворян про Филиппа обыскивати». Состав комиссии гарантировал достижение желательного для царя результата. Суздальский владыка Пафнутий назван в Житии в числе епископов, которые с самого начала отказались поддерживать Филиппа. Архиман-

дritу Андроникова монастыря Феодосию Вятке предстояла блестящая карьера — он стал архимандритом Троице-Сергиева монастыря и духовником царя. Пафнутий и Феодосий Вятка сопровождали царя в походе на Ливонию осенью 1567 года. Член ростовского княжеского рода князь Василий Темкин, недавно выкупленный из литовского плена и принятый в опричнину, должен был особенно стараться, выполняя царское поручение. В итоге проведенного расследования «игумена Паисия к Москве взяли да десять старцов». Очевидно, их принудили дать нужные показания, и старцы должны были повторить их на соборе, созванном для низложения митрополита. Несомненно, в связи с организацией такого собора 31 августа того же года выехал из Новгорода и провел полтора месяца в столице новгородский архиепископ Пимен.

Собор для осуждения Филиппа, на котором читались доставленные комиссией «обыкновенные речи» и заслушивались показания приведенных свидетелей, состоялся поздней осенью 1568 года. Как записал новгородский летописец, «на Москве месяца ноября в 4 день Филиппа митрополита из святительского сана свергоша». 8 ноября на праздник святого Михаила Архангела, когда митрополит совершал службу в Успенском соборе Кремля, в церковь ворвался отряд опричников во главе с боярином Алексеем Басмановым. Прервав службу, боярин объявил о низложении Филиппа и «повеле перед ним и перед всем народом чети ложно составленные книги», очевидно, приговор собора. Когда чтение приговора было закончено, по-видимому, и случилось то, что описано в «Послании» Таубе и Крузе: Малюта Скуратов и другие опричники, выполняя приказ царя, силой сорвали со святителя митру и другие знаки его сана и стали «бить его по лицу этими же предметами». После этого митрополита, одетого в разорванные монашеские одежды, «изгнаша... из церкви яко злодея и посадиша на дровни, везуше вне града (то есть из Кремля. — Б.Ф.) ругающеся... и метлами биюще» в Богоявленский монастырь в Китай-городе. Филипп был приговорен к смертной казни, но по челобитью духовенства казнь заменили заточением в Тверском Отроче монастыре. Позднее в этом монастыре узник был задушен Малютой Скуратовым. 11 ноября 1568 года новым митрополитом стал архимандрит Троице-Сергиева монастыря Кирилл.

Спор царя и митрополита не касался вопроса об отношениях между светской и духовной властью, однако его исход наложил глубокий отпечаток на взаимоотношения государства и церкви в последующее время. Именно после низложения митрополита Филиппа царь стал по своему произволу низлагать с кафедр неугодных епископов, подвергать суровым наказаниям, а то и смертной казни протопопов и настоятелей монастырей, налагать руку на имущество церкви. Были аннулированы уступки духовенству, сделанные в годы работы Стоглавого собора и как-то ограничивавшие власть царя над ду-

ховным сословием. Так, была возобновлена практика выдачи «несудимых» грамот, непосредственно подчинявших власти монарха (и соответственно — изымавших из-под судебной-административной власти епископов) те или иные группы приходского духовенства или монастыри. Церковь в России приобретала характер «служилого» сословия, подчиненного контролю и руководству государственной власти.